

Дмитрий Постнов

ДЕВУШКА С АПЕЛЬСИНАМИ

Как вспомнить своё женское
предназначение?

Руководство по преобразению судьбы

Дмитрий Постнов

**Девушка с апельсинами. Как
вспомнить своё женское
предназначение? Руководство
по преобразению судьбы**

«Автор»

2026

Постнов Д.

Девушка с апельсинами. Как вспомнить своё женское предназначение? Руководство по преобразению судьбы / Д. Постнов — «Автор», 2026

Иногда жизнь медленно теряет цвет. Всё внешне правильно: работа, планы, возможности, свобода выбора, путешествия. Но внутри — ощущение, будто что-то главное упущено. Будто ты шла вперёд, следуя обещаниям времени, и вдруг обнаружила, что дорога привела не к мечте, а к пустоте. «Девушка с апельсинами» — роман о поколении женщин, которые вышли за пределы старых ограничений, но оказались перед новым, более сложным вопросом: что делать с этой свободой? Это книга о той точке, где успех перестаёт вдохновлять, сила перестаёт греть, а независимость перестаёт быть спасением. О мгновении, когда приходится выбирать не между карьерой и любовью, не между сексуальностью и монашеством, не между прошлым и будущим, а между поверхностной жизнью и настоящей глубиной. Это история о внутреннем пробуждении, о том самом моменте, когда ты впервые поднимаешь глаза к звёздам и задаешь себе самый главный вопрос. Если вы чувствуете, что ваше «маленькое солнце» внутри начинает гаснуть — эта книга для вас.

© Постнов Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Вступление	5
Глава 1. Включение	6
Глава 2. Активация	9
Глава 3. Случайная встреча	10
Глава 4. Сторис свободы	13
Глава 5. Летать среди облаков	15
Гл	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Девушка с апельсинами. Как вспомнить своё женское предназначение? Руководство по преобразению судьбы

Вступление

**Девушка с апельсинами. Как вспомнить своё женское
предназначение? Руководство по преобразению судьбы**

Посвящается всем дочерям, их родителям, а также их будущим мужьям.

Аннотация

Иногда жизнь медленно теряет цвет. Всё внешне правильно: работа, планы, возможности, свобода выбора, путешествия. Но внутри — ощущение, будто что-то главное упущено. Будто ты шла вперёд, следуя обещаниям времени, и вдруг обнаружила, что дорога привела не к мечте, а к пустоте.

«Девушка с апельсинами» — это не просто роман о поиске себя. Это книга о поколении женщин, которые вышли за пределы старых ограничений, но оказались перед новым, более сложным вопросом: что делать с этой свободой?

Это книга о той точке, где успех перестаёт вдохновлять, сила перестаёт греть, а независимость перестаёт быть спасением. О мгновении, когда приходится выбирать не между карьерой и любовью, не между сексуальностью и монашеством, не между прошлым и будущим, а между поверхностной жизнью и настоящей глубиной.

Это история о внутреннем пробуждении, о том самом моменте, когда ты впервые поднимаешь глаза к звёздам и задаешь себе самый главный вопрос.

Если вы чувствуете, что ваше «маленькое солнце» внутри начинает гаснуть — эта книга для вас.

Глава 1. Включение

Рабочий Юнит 144.0.108 по имени Соня функционирует по утверждённому протоколу: шесть десятичасовых смен в неделю, с воскресенья по пятницу. Суббота — единственный выходной. Этот день предусмотрен системой как технологическая необходимость: профилактика, снижение износа и восстановление ресурса.

Его существование не складывается в биографию. Оно не движется вперёд и не развивается — оно просто повторяется. День за днём, с математической точностью, каждый временной отрезок воспроизводит предыдущий, словно данные, закольцованные в памяти сервера. Если убрать даты, невозможно определить, какой сегодня день. Если убрать время, то невозможно сказать, утро это или вечер.

Тело и разум Рабочего Юнита не принадлежат ему. Они арендованы системой на долгосрочной основе и используются строго по назначению. Amazon — империя, что доставляет миллиарды посылок в год, а людей превращает в их безликий придаток.

РАСПИСАНИЕ ДНЯ:

03:15. Пробуждение

Темнота. Плотная, служебная темнота — та, что существует у рабочих юнитов до включения света. Рука движется к будильнику как только раздаётся этот противный звук. Движение рефлекторное, без участия сознания.

Пальцы сводит короткий нервный спазм — побочный эффект тысяч сжатий сканера за смену. Мышцы помнят работу лучше, чем сам Рабочий Юнит помнит себя.

В голове пустота. В теле только лишь ощущения: холод паркета под босыми ступнями, отдающийся в костях; сухость во рту; тупая тишина в висках и остаточный гул в ушах, будто конвейерная лента продолжает двигаться где-то внутри, не выключаясь даже во сне.

Рабочий Юнит не просыпается. Он активизируется. Как терминал, запускающийся по расписанию. Как модуль, которому подали питание.

04:50. Путь на работу

Тридцать минут в пустой машине по пустынным улицам. Город ещё не принадлежит людям, он находится в переходном состоянии, между ночной паузой и дневной суетой. Жёлтые фонари отбрасывают одинаковые линии, будто копии одной и той же тени, расставленные вдоль всей дороги.

Радио выключено. Музыка — это избыточный поток данных. Слова — потенциальный источник внутренних отклонений. Перед сменой необходимо сохранять внутреннюю тишину, ту самую, в которой тело лучше всего подчиняется ритму.

В голове статичный белый шум. Рабочий Юнит не осознаёт дорогу. Руки и ноги управляют автомобилем на автопилоте, следуя по единственному маршруту, отпечатанному в мышечной памяти. Светофоры, повороты, разметка — всё это не воспринимается как информация, а просто проходит сквозь него, не задерживаясь. Если бы его остановили и спросили, как он доехал, он не смог бы ответить. Маршрут едет им, а не наоборот.

05:30. Вход в Систему. Фулфилмент-центр ARB-7

Гигантское одноэтажное строение, распластанное по земле, словно техногенный организм, предпочитающий ширину высоте. Оно больше нескольких футбольных полей, но лишено признаков архитектуры — ни красоты, ни индивидуальности.

Под ногами вибрирует бетон. Это не землетрясение и не авария, а нормальное состояние. Внутри, за стенами, непрерывно движутся сотни роботов-носителей, и их синхронная работа создаёт низкочастотный гул, который ощущается грудной клеткой.

Температурный скрининг. Безликий охранник в форме смотрит не на людей, а на экран тепловизора. Его задача простая — фиксировать отклонения от нормы у биообъектов.

Электронный пропуск прикладывается к считывателю. На фото лицо Рабочего Юнита кажется чуждым: застывшее выражение, отсутствующий взгляд, словно снимок был сделан не для идентификации человека, а для маркировки объекта.

Зелёный свет. Короткий звуковой сигнал: «Юнит 144.0.108 допущен». Он вошёл не на склад, а в режим.

05:45. Станция

Его рабочее место нельзя назвать местом. Это ячейка. Участок три на три метра, ограниченный жёлтой разметкой на полу — визуальной границей дозволенного. За неё можно выходить только по разрешённому таймингу.

Перед ним — конвейерная лента. Она не проявляет характера: не ускоряется и не замедляется. Она просто плывёт. И будет двигаться, пока система не решит сделать иначе.

Над ним — экран терминала. На экране уже мигает идентификатор и первое задание дня: «Rate to maintain: 245 UPH. Current: 0. Begin shift.» Ноль — краткий момент абсолютной свободы, который исчезнет через долю секунды.

06:00 – 11:30. Механический процесс. Цикл 1

Рабочий Юнит 144.0.108 по имени Соня надевает перчатки с перфорацией на кончиках пальцев. Они пахнут пластиком перемешанным с потом — запахом, который никто никогда не будет отстирывать и который со временем перестаёшь замечать.

Движения не требуют внимания. Они давно вынесены за пределы ума, они автоматизированы и проделаны тысячи раз. Рука тянется. Сканер издаёт писк. Экран загорается. Робот подъезжает.

Ярко-жёлтый Proteus появляется почти бесшумно, его многоуровневые стеллажи уже заполнены тысячами чужих предметов, не связанных между собой ничем, кроме логики алгоритма.

Детская книжка. Пачка батареек. Карты таро. Человеку здесь нечего понимать. Понимание это лишняя функция. Пик — сканер — пик — полка. Пик — сканер — пик — полка. Двести–двести пятьдесят пиков в час. Более тысячи циклов до обеда.

Мир сужен до треугольника: конвейер — пик — полка. Всё остальное — пространство склада, голоса, шаги, объявления по громкой связи растворяются в фоне. Мозг давно научился отсеивать всё ненужное, как система отсекает брак.

Юнит 144.0.108 смотрит, но не видит. Двигается, но не ощущает. Он не человек, выполняющий алгоритм, он — алгоритм, временно облачённый в живую плоть.

11:30 – 12:00. Обед. Перерыв

Номер 144.0.108 не идёт в общую столовую, где стоит гул голосов, смех сквозь усталость и пахнет разогретой синтетической пищей из микроволновок. Он выбирает парковку.

Машина. Закрытые двери. Тишина обволакивает, пустая, как вакуум. Пресный сэндвич из автомата, комок теста с пластиковым сыром, одинаковый каждый день. Он ест медленно, без вкуса, глядя сквозь лобовое стекло на серую бетонную стену этого огромного здания.

Если его спросить, что он чувствует в эти минуты, он не смог бы сформулировать ответ. Это не одиночество и не покой. Это пауза между процессами. Мышцы остывают. Взгляд расфокусируется. Система внутри него готовится к следующему циклу.

12:00 – 17:15. Механический процесс. Цикл 2

Повторение цикла ощущается как естественное продолжение. Экран сообщает: «Current Rate: 248 UPH. Target: 245. Status: Optimal.»

Зелёный цвет — единственный знак одобрения, единственная форма похвалы, не требующая эмоций. Он выполняет свою функцию без отклонений. Его код стабилен. Ошибок не зафиксировано.

Он работает в своём отсеке, в нескольких метрах от таких же рабочих юнитов как и он. Взгляды иногда пересекаются: Женщина-с-тремором-в-руке, Мужчина-с-седыми-висками, Девушка-с-тенью-грусти, но сразу отводятся. Общение не запрещено, но не поощряется: каждая секунда уходит на «пики», не на слова и улыбки. Все эти люди лишь части огромного серого организма.

17:15. Конец смены

Рабочий Юнит 144.0.108 протирает станцию дезинфицирующим спреем. Резкий химический запах въелся в кожу, в одежду и в память. Он будет сопровождать его даже дома.

На экране итог: «Shift completed. Total Units: 2487. Average Rate: 249 UPH. Performance: Optimal.» Данные сохранены. Цикл завершён. Следующий запуск через двенадцать часов.

В этом мире всё спроектировано для эффективности и контроля. Изоляция — это норма. Отсутствие выбора — это благо. Цифры вместо слов. Графики вместо эмоций.

Жизнь Юнита вне работы всего лишь продолжение алгоритма. Полуфабрикаты в одном и том же супермаркете по пути, редкие встречи с такими же выжатыми тенями, сон не для снов, а для подзарядки, как у аккумулятора. Книги? Просто товары с ISBN, проезжающие по конвейеру. Мечты? Сбой программы на ТСД и минута простоя. Чувства? Трения, замедляющие механизм. Рабочий Юнит 144.0.108 был идеальной частью системы. Предсказуемой. Эффективной. Беззвучной. Он был абсолютно, безупречно пустым.

Глава 2. Активация

Начинался очередной день, 4:40 утра. Рабочий Юнит по имени Соня вышел из дома, чтобы как обычно сесть в машину и поехать на склад. На дворе была поздняя ночь или уже раннее утро и всё вокруг освещал большой лунный диск. Он вдруг поднял глаза, посмотрел на звёздное небо и впервые за 27 лет своей жизни задался вопросом:

— Зачем вообще я живу?

То ли на него повлияло полнолуние, то ли затмение, которые произошли этой ночью, но этот вопрос дал серьёзный сбой в его механизме.

— Неужели мне уготовано всю жизнь сортировать товары, книги, посылки... Где-то в южном Китае кто-то их производит, а я раскладываю их по местам...

Сейчас, в этой ночной тишине, его процессор зашуршал, прокручивая миллионы строк разных программ, пытаясь найти ответ на единственный вопрос: зачем?

— Зачем я живу? — тихо прошептал он себе же, и что-то внутри защёлкало, словно за сотни циклов обработки информации впервые прозвучала не команда, а внутренний запрос.

Тысячи и тысячи пакетов с одеждой, электроникой, детскими игрушками, продуктами... Все эти товары доходили до конечного потребителя, становились частью чьей-то жизни. Но он, часть этой цепочки, всегда оставался в тени, не замеченный, не нужный, почти невидимый.

— Неужели в этом и есть смысл всей моей человеческой жизни?

Рабочий Юнит по имени Соня проработал в фулфилмент-центре Amazon достаточно, чтобы видеть, как другие юниты падают в обморок от переутомления и жара. Видел, как людей увольняли за то, что они на несколько минут опёрлись о стену, дав отдых ноющим ногам. Сам он ходил в уборную, высчитывая секунды, чтобы система не зафиксировала его «простой». Он стал совершенным, безотказным элементом бездушной серой машины с красивыми лозунгами на билбордах.

И тут, будто в ответ на его смятение, перед внутренним взором всплыл образ той самой книги.

Она прошла через его руки вчера, за несколько часов до конца смены. Его пальцы автоматически скользнули по её гладкой обложке, сканер пикнул, подтверждая штрих-код. Он уже заносил руку, чтобы бросить книгу в очередную корзину на роботе-носителе, когда взгляд на долю секунды зацепился за название.

Оно было странным. Не похожем на типичные кричащие заголовки вроде «Богатый Папа, Бедный Папа» или «7 навыков высокоэффективных людей». Всего несколько слов. Простых. Но таких, от которых в тот момент что-то внутри перевернулось и механизм дал сбой. Название не вызвало никаких ассоциаций с алгоритмами поиска, трендами продаж или маркетингом. Оно говорило о чём-то другом. О чём-то, что лежало за пределами склада, графиков производительности и даже лунного света.

И теперь, глядя в звёздное небо, на него опять накатило то странное, щемящее чувство, которое она вызывала. Ощущение глубины. Он машинально обработал сотни книг в тот день: руководства, романы, детские сказки. Но именно эта, с её загадочным названием, оставила вопрос на гладкой поверхности его автоматизма. Будто исцеляющий антивирус незаметно проник в его поражённую рутиной систему.

Этот день, начавшийся как фрагмент бесконечного цикла, вдруг стал тишиной, полной сложных вопросов. Рабочий Юнит 144.0.108 медленно повернулся и пошёл к своему автомобилю. Но теперь он шёл уже не как часть механизма. Он шёл как человек, который вдруг забыл своё истинное предназначение и цель жизни, которые он отчаянно пытается вспомнить, а в его памяти, будто назойливая мелодия, звучало название из тех трёх слов.

Глава 3. Случайная встреча

Вечером, после смены, Соня заехала в супермаркет.

Обычно она не доходила до отдела с овощами и фруктами. Он находился в самом дальнем углу торгового зала — за линиями холодильников, за полками с замороженными полуфабрикатами, за привычным маршрутом, по которому она двигалась даже не глядя. Этот маршрут был выверен так же точно, как и путь от дома до фулфилмент-центра и обратно: одинаковый набор упаковок, одинаковые товары, одинаковые вкусы, давно переставшие быть ощущениями на языке.

Но сегодня алгоритм дал отклонение.

Ей вдруг захотелось чего-то свежего. Не конкретного вкуса — просто свежести. Это слово, в котором ещё оставался смысл, не переведённый в штрих-код.

Соня шла медленно, будто в незнакомой зоне. Свет в зелёном отделе был другим — мягче, теплее, почти обманчиво солнечным. Здесь не было резкого больничного сияния ламп, как в остальном зале. Здесь всё было округлым, сочным, нарочито живым.

И именно здесь она увидела ту необычную женщину.

Соня заметила её издалека, ещё между стеллажами с яблоками. Женщина стояла у ящика с апельсинами — неподвижно, будто не покупатель, а часть композиции. Глаза её были закрыты. В руках она держала один апельсин, поднесённый к лицу, и глубоко вдыхала его аромат, словно пыталась вспомнить что-то давно утраченное.

Это было странно. Люди в супермаркетах обычно выбирают, сравнивают, оценивают. Они не вдыхают аромат жизни с закрытыми глазами.

В сознании Сони неожиданно всплыл образ — старая репродукция, виденная когда-то в музее: *«Мадонна с апельсиновым деревом»*. Она не помнила ни автора, ни деталей, только мягкий свет, оранжевые плоды и ощущение покоя, которое тогда показалось ей необъяснимым.

Соня подошла ближе.

Женщина, открыла глаза и глядя на апельсин вдруг сказала, будто продолжая давно начатый разговор:

— Вам тоже эта круглая форма и этот золотисто-оранжевый цвет напоминают Солнце?

Соня вздрогнула. Алгоритмы внутри неё попытались классифицировать ситуацию, но не нашли подходящего протокола.

— Я... — она замялась, удивившись неожиданному вопросу, — наверное. Я об этом не думала.

Женщина слегка улыбнулась, всё ещё глядя на апельсин.

— Солнце, которого так не хватает теперь в городах, — тихо продолжила она. — Мы больше не видим восходов, не замечаем закатов. Между стеклом небоскрёбов и экранами гаджетов мы живём в отрыве от настоящего света. Мы заменили его сиянием дисплеев — ровным, холодным, мерцающим.

Она повернула апельсин в ладонях, словно маленькую планету.

— А ведь апельсин во многих культурах был символом чистоты, плодородия и божественного Света. Маленькое напоминание о том, что жизнь круглая, тёплая и имеет вкус.

Соня молчала. Внутри неё что-то замкнуло — так же, как сегодняшней ночью под звёздами. Как если бы в системе ценностей появился новый, совсем неизвестный параметр.

— Я... работаю на складе, — неожиданно для себя сказала она. — Там всё... другое. Там нет запахов. Только штрих-коды, роботы, отсеки и упаковка.

Соня и сама вдруг почувствовала, как странно звучат её слова — сухо, почти безжизненно, словно она описывала не место работы, а пространство, в котором давно перестала чувствовать себя живой.

Она выглядела немного растерянной и неловкой, особенно рядом с этой спокойной женщиной, но в ней была тихая, естественная красота, которую не могли скрыть ни усталость, ни неуверенность. Мягкие черты лица, русые волосы до лопаток, стройная фигура — в ней была та простая природная красота, которая не требует лишних усилий. Она была милой, но как будто сама давно перестала это замечать.

Когда-то в ней жил глубокий внутренний мир — живой, чувствительный, наполненный мечтами, мыслями, тонкими переживаниями. Но постепенно всё это будто ушло на задний план. День за днём её затягивали рутина, однообразие, серость одинаковых смен и привычка ничего не ждать от жизни. Внутренний мир никуда не исчез — он просто словно уснул под тяжестью однообразных дней-смен.

И вместе с этим уснула её открытость.

Сейчас в своей размеренной, предсказуемой, но пустой жизни она почти ни с кем не общалась по-настоящему. Особенно с незнакомыми людьми. Каждый новый разговор давался ей с усилием, будто приходилось преодолевать невидимую стену. Поэтому даже этот простой ответ сейчас требовал от неё внутренней смелости.

Женщина наконец повернула голову в сторону Сони. Её глаза были светло-зелёного цвета, спокойные и слишком внимательные — такими смотрят не на вещи, а сквозь них.

— Я знаю, — кивнула она. — Вы удивитесь, но я знаю.

Она положила апельсин обратно и взяла другой, чуть больше.

— А вы знаете, какими были еда и напитки во времена моей молодости? — спросила она, будто задавая риторический вопрос самой себе. — Тогда ещё не существовало пластмассовых помидоров и огурцов. Клубника не была похожа на картошку, отличаясь от неё лишь цветом и размером. Молоко было живым. Хлеб — тёплым и на закваске, без дрожжевой спешки и химии.

Она говорила негромко, словно лаская слух.

— Теперь же люди питаются в основном синтетическими продуктами. Наша цивилизация поклоняется еде, форме тел и накоплению, она утратила связь с источником. Еда стала пластиковой. Напитки химическими. А души... — она сделала паузу, — души стали холодными.

Соня почувствовала лёгкое головокружение. Её внутренняя «оперативная память» зависла, как при перегрузке: привычные ориентиры — эффективность, польза, цена — теряли приоритет.

— Но ведь... — начала она. — Мы по-другому не умеем. Ведь сейчас все так живут.

— Все — не значит в правильном направлении, — мягко ответила женщина. — Иногда система работает без сбоев, но против самой Жизни.

Она протянула Соне апельсин.

— Возьмите. Почувствуйте вес, запах, температуру. Это не товар. Это послание.

Соня нерешительно взяла плод. Кожура была тёплой, шероховатой, живой. Она поднесла апельсин к лицу и вдохнула. Запах был ярким, неожиданно глубоким, словно солнечный луч, прорвавшийся сквозь бетон.

В этот момент внутри неё произошёл сбой. Какой-то приятный сбой, при котором привычная система вдруг перестаёт быть единственной реальностью.

— Меня зовут... — женщина сделала паузу, будто имя было не самым важным, — скажем так, я просто прохожая.

Соня подняла глаза.

— Иногда, — продолжила женщина, — когда человек начинает искать Свет, Свет начинает искать его. Знаки приходят в виде простых вещей. Фруктов. Запахов. Воспоминаний.

Она улыбнулась и отступила на шаг.

— Берегите этот апельсин. Сегодня он вам нужен больше, чем кажется.

Соня посмотрела на оранжевый плод и задумалась, но прежде чем она успела задать хоть один из тысяч вопросов, женщина растворилась в потоке покупателей, словно её и не было вовсе.

Соня автоматически пошла в сторону полуфабрикатов с апельсином в руке. Внутри неё, среди графиков, норм и показателей, медленно загоралось что-то новое — тёплое, круглое и похожее на маленькое Солнце.

Глава 4. Сторис свободы

Соня пришла домой и впервые за несколько лет не включила сериал, под который она обычно разогревала полуфабрикаты и жевала свою синтетическую еду. Экран остался чёрным, отражая кухню, лампу и её лицо — непривычно живое, будто чуть смещённое из рутинной плоскости жизни. На столе лежал апельсин. Он выглядел здесь необычно, как предмет из другого мира, случайно попавший в инородную среду.

Соня начала чистить его медленно, неловко, будто выполняла давно забытый ритуал. Кожура поддавалась не сразу, брызнула эфирным маслом в пространство, наполнив воздух резким, солнечным ароматом. Пальцы стали липкими, тёплыми. Сок начал стекать по коже.

Это было странно. Это было... приятно. Тело отозвалось нежным удивлением, как будто кто-то осторожно включил свет внутри. Словно сторонний наблюдатель, Соня смотрела, как присутствует в этом моменте. Не анализирует, не считает, не оптимизирует. Просто чистит оранжевый апельсин.

И всё же старая программа сработала. Соня вытерла руки и достала смартфон машинально, не задумываясь. Старый рефлекс системы. Экран разблокировался, соцсеть была открыта с прошлого раза, как открытые двери, которые мы не помним, когда и зачем впервые открыли.

Палец сам нажал на кружок и Соня замерла на первой же сторис.

«Я уволилась год назад. Теперь я свободна.

Я путешествую и зарабатываю из любой точки мира.

Я выбираю себя!»

На экране океан. Гладкий, бирюзовый, будто отфильтрованный самой мечтой. Ноги уходят в белый песок. Низкий столик. Чашка кофе. Макбук. Тени пальм.

И вроде бы Соня уже видела сотни похожих постов и историй с такой мотивацией, но сейчас впервые обратила внимание по-настоящему.

Соня зашла в профиль. Имя — знакомое. Лицо — слишком знакомое. Кристина. Та самая Кристина, что когда-то стояла в соседнем отсеке, всегда чуть быстрее, чуть бодрее, с аккуратным хвостиком и вечной идеей: «Надо просто вырваться».

Соня почувствовала, как внутри что-то сложилось как пазл. Словно невидимая нить событий дала ответ на появившийся этой звёздной ночью вопрос: «Зачем я живу?»

Она написала первой. Коротко, почти не задумываясь.

«Привет! Это Соня. Мы работали вместе)»

Ответ пришёл почти мгновенно.

«СОНЯ!!! БОЖЕ, КАК Я РАДА!!! Ты ещё там???»

Через пару минут они уже созвонились. Экран разделился на две реальности. Кристина была загорелой. На ней была лёгкая туника, а за спиной открытая терраса, где шумел океан, пели птицы и лениво покачивались пальмы.

— Ты не представляешь, как я счастлива, что ушла, — говорила Кристина. — Это лучшее решение в моей жизни. Я больше не принадлежу этой системе.

Соня слушала. Апельсин лежал рядом.

— Я сейчас на Бали, — продолжала Кристина, — Рядом со мной Dreamland Beach. Ты бы видела какие тут закаты на Uluwatu... Солнце просто тонет в океане, небо становится розово-золотым, как будто мир светится изнутри. Я утром просыпаюсь без будильника, иду купаться, потом работаю пару часов — и всё. Остальное время моё.

Она казалась такой счастливой.

— А если я всё же решусь, то жить на что? — тихо спросила Соня. — Ой, да сейчас столько вариантов! — махнула рукой Кристина. — Фриланс, проекты, консультации. Девочки

уходят из офисов, делают ноготочки, реснички, ведут блоги, преподают медитацию. Одна моя подруга вообще зарабатывает на марафонах осознанности. Главное выбраться из этой серой рутины.

Слова «выбраться из рутины» прозвучали как ключ.

— Ты понимаешь, — продолжала Кристина, — мы же не для того рождены, чтобы всю жизнь работать на какую-то корпорацию. Мы созданы, чтобы жить для себя, путешествовать, развиваться! Я наконец-то чувствую, что выбираю себя!

Соня кивала. Внутри неё поднималась волна — тёплая, обнадёживающая. Картинка складывалась идеально: не склад, не графики, не пики. А океан, кокосы, свобода...

— А как же деньги? — снова спросила Соня, и сама удивилась своему голосу.

— Деньги приходят, когда ты в Потоке, — уверенно ответила Кристина. — Вселенная поддерживает смелых.

Соня замолчала. В её голове, среди привычных показателей и норм, начала выстраиваться новая формула. Простая и соблазнительная.

Я уволюсь. Я улечу. Я буду жить не ради системы, а для себя!

Это ощущалось как откровение. Как будто цель, наконец-то, нашлась. Как будто вопрос «зачем я живу» получил ответ — пусть и не до конца оформленный, но яркий, блестящий, как блики солнца на океане.

— Ты тоже так можешь, — сказала Кристина, будто читая её мысли. — Я вижу это по тебе. Ты всегда была умной. Тебе просто нужно решиться!

Соня улыбалась по-настоящему.

После звонка она ещё долго сидела в тишине. Сериал так и не был включён. Апельсин лежал на столе. Соня была воодушевлена.

Это чувство разливалось внутри неё медленно, тёплой волной, вытесняя привычную тяжесть в груди. Ей казалось, что происходящее с ней имеет нужное направление. Не просто движение по заданной траектории, а наконец-то её личный выбор.

Она ходила по комнате, будто пространство стало светлее. Будто стены чуть отступили. В голове складывалась новая картина мира — яркая, простая, вдохновляющая. Океан. Солнце. Работа без начальников. Жизнь, в которой утро начинается не с будильника, а с желания.

Вот он, — думала Соня. — Выход всё-таки есть.

Жизнь больше не представлялась ей бесконечным конвейером. Она виделась дорогой, где можно свернуть. Где можно сменить декорации — и вместе с ними изменить всё остальное. Казалось, достаточно решиться, сделать шаг — и система останется позади, как её серый склад, исчезающий в зеркале заднего вида по дороге домой после смены.

Соня села за стол и взяла апельсин в руки. Он был прохладным, тяжёлым, настоящим. Она улыбнулась, представляя, как однажды будет есть такие же апельсины у океана, под солнцем, без спешки, без таймеров, без всяких там «пиков».

Экран снова загорелся, пришло сообщение от Кристины:

«Ты справишься. Я уверена. Главное выбрать себя.»

Соня перечитала эти слова несколько раз. Они отзывались внутри приятным согласием, почти благодарностью. Ей хотелось верить. И она верила. Она легла спать с ощущением, что нашла ответ. Пусть ещё не до конца оформленный, но достаточно ясный, чтобы уснуть спокойно.

После такого странного и необычного дня Соня засыпала не как Рабочий Юнит под номером 144.0.108, а как человек, у которого впереди начинается новая жизнь.

Глава 5. Летать среди облаков

Соня проснулась с ещё большим воодушевлением, чем накануне.

Сон был глубоким и ровным, без привычного гулко-го фона тревоги. Казалось, внутри неё что-то выстроилось в линию — пусть хрупкую, но направленную вперёд. Она потянулась, посмотрела на календарь и улыбнулась этому дню недели.

Суббота. Её заслуженный выходной. Тот самый, единственный, разрешённый системой.

Раз в месяц, всегда в одну из суббот, Соня ездила в гости к родителям. Этот ритуал был таким же устойчивым, как смены на складе: не обсуждался, не отменялся, не наполнялся ожиданием. Просто существовал.

Обычно к родителям она ездила на поезде, который идёт два с половиной часа.

Соня сидела у окна, наблюдая, как за стеклом сменяются промышленные зоны, серые поля, редкие деревни. Телефон лежал в сумке, сегодня она не проверяла его каждые две минуты. В голове прокручивались слова Кристины, образы океана, лёгкость, с которой та говорила о жизни, будто о смене обоев на ноутбуке.

Я скажу им, — решила Соня. — Сегодня же скажу.

Дом родителей встретил её привычными запахами: еды, стирки, чем-то холодным, почти больничным. Здесь всегда было чересчур чисто. Как будто беспорядок считался угрозой устойчивости.

Мать вышла в коридор первой.

Невысокая, прямая, с аккуратно уложенными короткими волосами. Она была из тех женщин, кто держится не за мечты, а за правила. Её взгляд был цепким, оценивающим, как у человека, привыкшего руководить.

— Похудела, — вместо приветствия сказала она. — Ты нормально там ешь?

— Привет, Мам. — Соня кивнула, снимая лёгкую куртку.

Отец появился позже. Тихо. Почти незаметно. Он был в старом свитере, с чуть опущенными плечами, будто всё время извинялся за занимаемое пространство. Он кивнул Соне, слабо улыбнулся и ушёл обратно на кухню, не задав ни одного вопроса.

За столом как всегда между ними была пустота. Они ели, почти не глядя друг на друга. Мать рассказывала о соседях, о ценах, о том, что «сейчас везде сокращения». Отец молчал, иногда поддакивал, иногда просто смотрел в телевизор, который в этом доме отключался только на время сна.

Соня чувствовала, как её воодушевление начинает дрожать, словно огонёк свечи на сквозняке. Но она решила не отступать.

— Я хотела вам сказать... — начала она, сжав пальцы под столом. — Я думаю уволиться.

Мать замерла. Ложка застыла в воздухе.

— Что значит *думаю*? — медленно спросила она. — Зачем?

Соня вдохнула.

— Я больше не хочу работать там. Я накопила немного денег. Хочу попробовать пожить по-другому. Может, уехать. На Бали, например. Там можно работать удалённо, путешествовать...

— Ты с ума сошла? — перебила мать, не повышая голоса, но делая его жёстким, как металл. — В наше время работа — это безопасность. Ты что, не понимаешь? Стабильная компания, зарплата, страховка. Ты должна быть уверенной в завтрашнем дне, ты должна быть независимой!

— Я и хочу быть независимой, — тихо сказала Соня. — Просто не так.

— А как? — мать усмехнулась. — Бегать по миру с ноутбуком? Это не жизнь. Это баловство. Свобода — это когда ты сама себя обеспечиваешь, а не живёшь иллюзиями.

Отец кашлянул.

— Может... — начал он неуверенно. — Может, Соне просто тяжело. Работа всё-таки...

— Не оправдывай, — резко сказала мать, даже не посмотрев на него. — Тебя всю жизнь оправдывали, и что? Где мы теперь?

Отец замолчал. Его взгляд стал ещё более отстранённым, ещё более тихим. В этом молчании было что-то тяжёлое, давящее. Не злость — разочарование, без слов, без упрёков. Оно давило на Соню сильнее любого крика.

Она сейчас отчётливо видела всю его жизнь: производство, смены, усталость, годы, прожитые «как положено». И чувствовала страх, что однажды может проснуться в таком же безвольном молчании.

— Ты неблагодарная, — продолжала мать. — Мы для вас всё. Мы жили ради вас. А теперь ты хочешь всё бросить?

Соня хотела сказать, что не бросает. Что ищет. Что хочет понять, зачем живёт. Но слова не складывались. В этом доме такие слова не имели места быть.

Она посмотрела на родителей, на холод между ними, на привычку жить рядом, но не вместе. На пустоту, которую заполняли только обязанности и воспоминания о прошлом.

Так живут все, — подумала она. — Но я хочу жить иначе.

Соня встала из-за стола раньше, чем разговор закончился, и сказала, что пойдёт к себе. Мать кивнула — как фиксацию факта. Отец смотрел новости.

Её детская комната совсем не изменилась. Та же узкая кровать у стены. Тот же шкаф, то же окно. Полка с книгами, которые она когда-то читала взахлёб, а потом перестала открывать вовсе. В углу коробка с игрушками, аккуратно убранная, словно детство можно было сложить и поставить на хранение как на складе.

Соня села на кровать и взяла в руки старого плюшевого медведя. Он был немного в пыли, его шерсть свалялась, один глаз был чуть перекошен. Она вспомнила себя — маленькую, лежащую здесь же, уткнувшуюся в этого медведя носом и смотрящую в потолок. В детстве она любила мечтать. Тогда ей казалось, что впереди обязательно будет что-то большее и интересное. Не просто работа, не просто «как у всех». А что-то живое, настоящее, возможно, даже великое.

Она тогда не знала слов вроде «система», «эффективность», «производительность». Она знала только, что жизнь должна что-то значить. Что она должна быть интереснее, чем просто работать ради аренды, еды и одежды.

Она задумалась о том, что маленькие дети умеют наслаждаться простыми радостями жизни — первым снегом, дождём, бликующими на волнах лучами солнца, плывущем по ручью корабликом, бочкой с водой, в которой можно весело и беззаботно плескаться. Это умение просто необходимо для настоящего счастья, но многие взрослые его лишены.

Соня оглядела комнату новым взглядом. Всё здесь было следами ее мечтаний, которые так и не стали реальностью. Детские рисунки. Тетради с прилежным почерком. На полке лежала запылившаяся картина с надписью: *«Летать среди облаков»* — она даже не помнила, когда нарисовала её. Она лишь помнила, что в детстве любила рисовать и мечтать.

Где-то между этими стенами и складскими ангарами прошло незаметное превращение. День за днём. Шаг за шагом. Пока мечты не стали неудобными, а вопросы — лишними. Пока она не превратилась в аккуратно функционирующий элемент, идеально подходящий под чей-то «чужой» алгоритм.

Теперь она почти была уверена в том, что система всегда берёт своё. Не сразу. Она просто ждёт, пока ты устанешь сопротивляться.

Соня уснула и проспала так пол дня. Проснувшись она положила медведя обратно и встала. В комнате стало тесно, будто воздух здесь принадлежал прошлому, а не ей. Она поняла,

что больше не может смотреть на эти вещи, как раньше. И, возможно, именно поэтому ей было так необходимо уехать.

Обратно она ехала в том же поезде. За окном снова мелькали серые поля и заводы, только теперь они казались ещё тяжелее.

Соня смотрела в стекло и чувствовала странную смесь: сомнение, упрямство и всё то же воодушевление, которое не погасло, а будто стало сильнее. Она ещё не знала, как будет жить. Но знала точно — так, как сейчас, она больше не сможет.

Поезд нёс её обратно, а внутри происходило медленное, почти незаметное расхождение с тем миром, из которого она вышла.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.